

УДК 2+322 (470.44)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Е. А. Петрова

Петрова Елена Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, lena02-07@mail.ru

В статье автор на материалах Саратовского Поволжья рассматривает политику Советского государства в отношении церкви и религиозных организаций в 1920-е гг. Существенно изменившийся статус церкви регулировался новыми нормативно-правовыми актами советской власти. Большое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде, которая была призвана вытеснить из сознания верующих религиозные предрассудки. Автор приходит к выводам, что даже в этот относительно мирный период существования государства и церкви советское руководство не отказывалось от идеи ликвидации церкви и искоренения религии, в связи с чем допускало серьезные отступления от собственных законов и инструкций.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, власть, религия, церковь, религиозные объединения, православие, католицизм, лютеранство, старообрядчество, сектантство, ислам, иудаизм, законодательство, антирелигиозная пропаганда.

The State-church Relations in Saratov Volga Region in the Mid 1920s

Е. А. Petrova

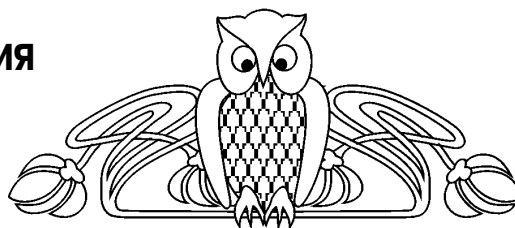
Elena A. Petrova, ORCID 0000-0001-5969-5095, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, lena02-07@mail.ru

Based on Saratov Volga region materials, the Soviet state policy concerning the church and religious organizations in the 1920s in the Saratov Volga region are examined in the article. The status of the Church changed significantly in that period and was regulated by the Soviet government's new legal acts. Special attention was paid to the antireligious propaganda in order to displace superstitions from the believers' minds. The fact that the Soviet state didn't refuse the idea of the church and religion liquidation even in that peaceful period and therefore it admitted serious law and instructions deviations is proved in the article.

Key words: state-church relations, power, religion, church, religious associations, Orthodoxy, Catholicism, Lutheranism, Old Believers, sectionalism, Islam, Judaism, legislation, antireligious propaganda.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542

К середине 1920-х гг. во взаимоотношениях церкви и государства наметились некоторые изменения. Большевицкое руководство столкнулось с тяжелейшим экономическим кризисом. Промышленность и сельское хозяйство России были

разрушены гражданской войной и политикой «военного коммунизма». Военно-коммунистические методы хозяйствования потерпели крах. Они привели к тотальному голоду 1921–1923 гг. во многих регионах страны¹. Массовое недовольство населения грозило падением советской власти. В городах развивалось забастовочное движение. Весной 1921 г. массовые крестьянские восстания прошли во многих районах страны, в том числе и в Саратовском Поволжье².

На этом фоне продолжение жестких антицерковных мер могло привести к еще большему противодействию населения, особенно крестьянского, религиозность которого была сильна. Все это вынудило Коммунистическую партию менять свою тактику не только в экономической сфере, но и в отношении к религии и церкви.

«Новая экономическая политика» (нэп), провозглашенная X съездом РКП (б), имела целью возродить хозяйственную жизнь в стране. В связи с поворотом России к нэпу политика Советского государства по отношению к религии и всем без исключения религиозным организациям в отечественной историографии трактуется как «религиозный нэп», отмечается ее определенное смягчение в сравнении с предыдущим периодом «бури и натиска»³. Однако проведенные исследования по материалам Саратовского Поволжья не дают полных оснований для таких оптимистических выводов.

Не отказываясь от своих прежних целей искоренения религии и церкви, советское руководство выбрало более осторожный и медленный путь, основанный на издании и реализации новых нормативно-правовых актов, определявших отношения между государством и церковью.

27 апреля 1923 г. была опубликована инструкция «О порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешения на созыв съездов таковых»⁴. Наблюдение за деятельностью религиозных обществ, съездов и объединений возлагалось теперь на Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), на его губернские и местные органы⁵.

Согласно вышеназванной инструкции проводилась повторная перерегистрация всех религиозных обществ в отделах управления губернских или волостных исполкомов⁶. Причем религиозные общества, не зарегистрированные в трехмесячный срок, после опубликования данного постановления считались закрытыми⁷. Такой шаг представлял собой явное ужесточение антицерковных мер, контроль над деятельностью религиозных общин и дальнейшее вмешательство в религиозные дела.

Необходимо отметить, что власть пыталась учитывать конфессиональные особенности различных вероисповеданий. Так, на заседании комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) в июле 1923 г. было постановлено «составить отдельную инструкцию для католического культа, приняв в основу основную инструкцию, объявленную в Известиях ВЦИК»⁸. На другом заседании рассматривался проект инструкции о порядке регистрации религиозных обществ православного культа⁹.

Инструкция о регистрации религиозных обществ, с одной стороны, была направлена на урегулирование отношений с религиозными обществами, а с другой стороны, развязывала руки местным властям в деле закрытия церквей и молитвенных домов. Ведь даже неуплата налога в виде гербового сбора могла служить основанием к закрытию храмов. Этим было положено начало закрытию церквей, теперь юридически оформленному, которое начиналось с 1923 г.

Еще 19 апреля 1923 г. циркуляром ВЦИК ЦИКа союзных и автономных советских республик, губисполкомам предписывалось: «Все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов. Все постановления по этим делам должны заноситься в протоколы заседаний Президиумов Губисполкомов, с обязательным указанием мотивов и оснований для расторжения договоров или закрытия храмов и молитвенных домов»¹⁰.

Таким образом, Советское государство не собиралось отказываться от своей политики по искоренению религии и церкви, оно лишь перешло в своих действиях к иной – «правовой» – тактике, которая предполагала более взвешенный подход к деятельности религиозных организаций общин, недопущение открытого произвола в отношении верующих.

Вопрос о злоупотреблениях в деле закрытия церквей, синагог и прочих молитвенных зданий обсуждался на заседаниях комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) уже в мае 1923 г. В итоге было постановлено «поручить ГПУ выяснить о каждом отдельном случае закрытия церквей и в случае нарушения существующих по сему поводу правил виновных привлечь к ответственности»¹¹, а также «просить Политбюро ЦК срочно разослать циркуляр всем партийным органам о приостановке закрытия церквей» и направить в газету «Правду» статью по поводу осторожного подхода к закрытию церквей, мечетей и синагог и т. д.¹² Эти предложения реализованы не были, а курс на закрытие религиозных объектов сохранился.

Во исполнение инструкций ВЦИК в начале 1924 г. по уездам и волостям Саратовской губер-

нии начинают создаваться постоянные комиссии по ликвидации церквей¹³, комиссии по оценке и учету церковного имущества, проверке договоров с коллективами верующих и распределению церковного имущества в случае ликвидации церквей¹⁴, комиссии по проведению в порядок культового имущества, церковных зданий и молитвенных домов в целях выявления потребностей ремонта¹⁵. При этом обязательным членом, входившим в состав комиссии, являлся представитель от уездной или волостной милиции¹⁶.

С этого момента начинается постепенное обследование молитвенных зданий и церквей данными комиссиями, для которых была разработана специальная инструкция¹⁷. В каждом отдельном случае собиралась комиссия в составе представителя милиции, представителя госмузея (на предмет оценки предметов культа, имеющего художественное и историческое значение), а также техника специалиста, которые производили осмотр культовых зданий. По каждому случаю, как и предписывалось, составлялся официальный акт и давалось официальное заключение президиума или уездного (губернского) исполнительного комитета (УИК или ГИК)¹⁸ о закрытии культового здания, о продлении договора на его использование или о передаче его другой группе верующих.

Таким образом, закрывались многие храмы и молитвенные дома без учета каких-либо конфессиональных особенностей: одинаково закрывались православные и старообрядческие, лютеранские и католические храмы, мечети, баптистские, меннонитские и другие молитвенные дома. Внутри русской православной церкви различие не делалось ни для православных староцерковного толка, ни для обновленцев. В передаче культовых зданий другим группам верующих, снижении арендной платы или в достройке уже существующих храмов местные власти различий также не делали. Причем за нарушение договора об использовании церковного имущества коллективы верующих подвергались не только административной, но и уголовной ответственности¹⁹.

Так, в 1924 г. у евангельских христиан (баптистов) города Вольска был изъят из пользования молитвенный дом под предлогом непригодности данного здания для отправления религиозных обрядов²⁰. Ликвидирован был молитвенный дом старообрядцев поморского согласия в Саратове, а коллектив верующих был привлечен к уголовной ответственности за растрату имущества²¹. В 1927 г. группе верующих старообрядцев было отказано в снижении арендной платы на пользование зданием для культовых целей²². Община православной «Маминской» церкви города Саратова получила отказ в передаче ей здания храма для его достройки²³.

Спротивление изъятию церковных зданий могло служить поводом к обвинению коллективов верующих и священнослужителей. По данному обвинению был, например, осужден католический

священнослужитель села Ровное АССР немцев Поволжья И. Циммерман²⁴.

21 августа 1924 г. вышло секретное постановление президиума ВЦИК, в котором прописывались конкретные действия в случае закрытия или ликвидации церквей и молитвенных зданий, а также судьба имущества закрываемых храмов²⁵.

В то же время местным властям предписывалось не препятствовать исполнению религиозных обрядов такими широко распространенными к тому времени абсурдными мерами, как требование с каждого гражданина гербового сбора, а с групп верующих – справок о несудимости каждого гражданина²⁶. Как объяснялось в документе, такие требования не имели оснований и истолковывались, как преднамеренная волокита.

10 июля 1923 г. на заседании комиссии по отделению церкви от государства при ЦК РКП (б) вышло постановление о закрытии на общих основаниях церквей при фабриках и заводах²⁷. В результате, например, в 1926 г. партийная организация фабрики «Красный Октябрь» ликвидировала церковь в районе предприятия²⁸.

Действия властей сводились не только к вопросу о «законной» ликвидации церквей. В 1923 г. была также принята инструкция по обложению церквей и служителей культа налогами²⁹. Мера принесла довольно быстрый и ощутимый результат. В сложных экономических условиях, когда крестьянское население Саратовской губернии не обладало лишними финансами, ему пришлось сокращать штат священнослужителей. По информационной сводке Петровского уездного исполнительного комитета в уезде «благодаря последним налогам на священнослужителей, крестьяне в целях сокращения расходов сокращают поповские штаты, как например: вместо двух причтов оставляют один, увольняют других, таким образом, попы становятся безработными...»³⁰

Циркуляр «О правах служителей культов на землепользование» уравнил служителей всех культов в деле наделения землей или с ее лишением с прочими гражданами³¹.

Следующий шаг был предпринят в деле страхования церковных и молитвенных зданий³². Во-первых, страхование фактически представляло собою дополнительное налогообложение, которое начиналось с самых низких окладов. А во-вторых, как показала дальнейшая практика, это был продуманный и достаточно эффективный шаг, позволявший закрывать церковные здания.

В 1925–1928 гг. характерным явлением для Саратовской губернии стали пожары, уничтожавшие церковные здания и молитвенные дома. Причем расследование этих пожаров местной милицией результатов не давало, оставалось неясным: был ли это поджог или пожар вызывался другими причинами³³. По постановлению ВЦИК от 24 августа 1925 г. «О порядке использования страховых сумм, полученных за сгоревшие молитвенные здания» коллективы верующих должны

были получать страховку за сгоревшую церковь или храм. На деле же это оборачивалось продолжительной волокитой. Коллективы верующих по несколько лет не могли получить страховую денежную премию на постройку нового здания церкви. А если такое и случалось, то время уже было упущено: строительный материал дорожал, и назначенной страховки не хватало на достройку храма, зато вполне хватало, чтобы удовлетворить культурные нужды уезда или волости (школы, агропункты, избы-читальни и пр.). Губернский исполнительный комитет либо рекомендовал означенную сумму не выдавать, либо ходатайства верующих отклонять и передавать страховые премии на культурные нужды волости³⁴. Но если вдруг каким-то «чудом» коллективы верующих все-таки получали назначенные им страховые премии, то большей частью сами передавали их на культурные нужды. Делалось это добровольно или принудительно – сегодня установить трудно. Так, в частности, поступили верующие села Морозово. Административный отдел Саратовского Губисполкома не мог спокойно пройти мимо такого почина и настоятельно рекомендовал углубить разъяснительную работу среди крестьянства, чтобы коллективы верующих, получивших премии за сгоревшие церкви, последовали примеру морозовцев³⁵.

Таким образом, обязательное страхование культовых и религиозных церквей и домов, юридически направленное на поддержку церкви (страховые выплаты должны были служить на постройку новых зданий), на деле оборачивались очередным ущемлением прав церкви и ликвидацией храмов и молитвенных домов.

Надо отметить, что советской власти уже к 1923 г. удалось до некоторой степени разрушить, частично подавить или расколоть церковную структуру³⁶. Но там, где удавалось оттеснить официальную церковь, ее место занимало сектантство³⁷.

Секретным донесением Петровского исполнительного комитета сообщалось, что в некоторых волостях уезда существуют секты, преследующие непонятные для Уездного отдела управления религиозные цели. Эти «организации», в народе именовавшиеся хлыстами, «всячески скрывают свое существование, являясь антирелигиозной организацией. Несмотря на то, что указанные секты стараются скрыть свое существование, их деятельность, безусловно, не является бесцельной, и, по-видимому, ведут свою деятельность по имеющимся у них инструкциям высших ведомственных инстанций или во всяком случае основываются на каких-либо данных»³⁸. Указанные секты обязаны были регистрироваться в обязательном порядке, а за их деятельностью должно было вестись исключительное наблюдение.

В поселке Ново-Скатовка Ягоднополянской волости Саратовского уезда, где проживали немцы, существовали кружки штундистов, которые хоть и были зарегистрированы, но от выполнения

распоряжений местной власти отказывались, проявляя тем самым неповиновение³⁹.

На 16-й областной конференции ВКП (б) Республики немцев Поволжья в 1928 г. отмечалось также быстрое усиление влияния различных протестантских сект в Немреспублике. «Даже такая изолированная секта, как секта танцбрудеров⁴⁰, приобретает десятки новых приверженцев, другие секты приобретают их сотнями и тысячами»⁴¹. Наиболее влиятельной сектой к концу 1920-х гг. стала секта бетбрудеров (молящихся братьев). Известны факты, когда в некоторых селах бетбрудеры на собраниях общин принимали в свои ряды одновременно по 20–25 человек. В основном в бетбрудеры вступали зажиточные крестьяне-кулаки, поскольку двери для вступления в какие-либо государственные, общественные или кооперативные организации пред ними были плотно закрыты. Бетбрудерские организации имели в своих рядах крестьян различных социальных уровней: и не только кулаков, но и середняков, бедняков, батраков. Возникла «религиозная солидарность», вызывавшая сильнейшую тревогу партийного руководства АССР немцев Поволжья⁴². Распространение секты бетбрудеров вызывало обеспокоенность и высшего руководства страны. На одном из заседаний комиссии при ЦК РКП (б) был поставлен вопрос о бетбрудерах, а также соображения о необходимых мероприятиях к ликвидации их вредного влияния на верующие массы и прекращение созыва их конференций⁴³.

Некоторые исследователи отмечают, что сначала у советской власти и сектантов складывались вполне мирные взаимоотношения в силу похожих взглядов на революцию и построение социального общества. Однако к концу 1928 г. их взгляды разошлись, и сектанты попали в общий «котел» преследований и репрессий⁴⁴. Нам представляется, что уже в 1923 г. власти сознавали опасное влияние сектантства. Так, на заседании комиссии при ЦК РКП (б) 26 июня 1923 г. по вопросу сектантства было разрешено использовать в печати все материалы, компрометирующие сектантов с точки зрения их антимилитаризма, а ГПУ усилить работу по разложению сектантства⁴⁵. На другом заседании 1926 г. было разрешено «не препятствовать попам ведению борьбы с сектантством, однако с тем, чтобы эта борьба велась в плоскости догматической и из этих границ не выходила»⁴⁶. Таким образом, Советское правительство по древнему принципу «разделяй и властвуй» использовало противоречия между различными религиозными группами, стараясь либо уничтожить их, либо не допустить роста влияния одной из них.

Политика Советского государства по отношению к исламу и иудаизму была несколько иной, чем по отношению к другим конфессиям, особенно к православной вере⁴⁷. Конечно, эти религиозные конфессии также были чуждыми в условиях «социалистического строительства» в

стране. К тому же если православие было главной конфессией в имперской России, то ислам и иудаизм представлялись религиями ранее угнетенных царизмом народов.

Осознав всю сложность религиозного вопроса, к началу 1920-х гг. большевики проявили осторожность и деликатность по отношению к исламу. Известный советолог А. Г. Авторханов писал: «Учитывая всю сложность этого вопроса и необходимость гибкой тактики в деле его разрешения в духе коммунизма, большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1. Мусульманский вопрос как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии), 2. Мусульманский вопрос как вопрос культурно-религиозный. Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала и программа РКП (б), в которой сказано, что «необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств». Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: «... от кавалерийских набегов по части “немедленной коммунизации” нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в руслу советского развития»⁴⁸.

Действительно, отмеченный выше подход можно проследить даже по такому важному (в том числе и для мусульман) вопросу, как преподавание религии в школе. Постановление, принятое на заседании комиссии при ЦК РКП (б) в апреле 1923 г. при обсуждении мусульманского вопроса, гласило: «Ни в каком случае не допускать преподавание Корана и вообще религиозных преподаваний в школе»⁴⁹. Уже в августе того же 1923 г. комиссия постановила: «Признать возможным допущение преподавания мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу I ступени»⁵⁰. А инструкция, утвержденная президиумом ВЦИК от 9 и 24 июня 1924 г. «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение»⁵¹, разрешала преподавание мусульманского вероучения в мечетях без ограничений. Справедливости ради необходимо отметить, что инструкция содержала ряд положений, которые могли использоваться местной властью для отсрочки в проведении инструкции в жизнь и как следствие – для затягивания решения религиозного вопроса⁵².

Отношение к иудаизму в Саратовском Поволжье, как и к исламу, также было менее жестким на фоне ущемления прав других конфессий. Определенную роль в этом играла и малочисленность еврейской общины в регионе⁵³.

Так, в январе 1926 г. Саратовский Губисполком постановил: разрешить «евреям, торгующим кошерным мясом, не производить торговлю в дни еврейских праздников»⁵⁴. В том же году кол-

лективу верующих 1-й синагоги Саратова были разрешены сборы к предстоящим праздникам Пасхи для снабжения беднейшего еврейского населения мадой в день Пасхи⁵⁵. Но уже в следующем 1927 г. аналогичная просьба верующих евреев была отклонена⁵⁶. На совещании при Агитационно-пропагандистском ЦК ВКП (б) в 1926 г. были приняты тезисы «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР», в которых говорилось, что «среди еврейства очень медленно с большой трудностью изживаются обряды и обычаи, суеверия и предрассудки, вера в мертвых и живых святых (цадики), вера в духов и т. д. Это обстоятельство вызывает необходимость усиления работы по очищению быта от различной обрядности (обрезания, посты и т. д.) и борьбы с укоренившимися предрассудками»⁵⁷.

Другая плоскость развития государственно-церковных отношений в годы нэпа – это агитационно-пропагандистская деятельность. Если на нормативно-правовом уровне наблюдались порой нестыковки и неоднозначность проводимой политики, то в деле пропаганды и агитации советскому правительству удалось достичь значительных успехов.

Уже в начале 1920-х гг. советское руководство поняло, что быстрого отмирания религии не происходит. Как было сказано выше, определенные успехи в деле раскола и дискредитации церкви к 1923 г. советской властью все же были достигнуты. Но главного, т. е. вытеснить религиозное мировоззрение из сознания большинства населения страны, так и не удалось достичь. Активные репрессивные методы искоренения религии, как в стране, так и в Саратовском Поволжье, особого успеха не имели, а иногда оказывали прямо противоположный эффект⁵⁸.

Проходивший в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. XII съезд РКП (б) принял резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды»⁵⁹. Резолюцией предписывалось, чтобы работа партии приобрела прежде всего характер углубленной систематической пропаганды, которая «наглядно и убедительно вскрывает каждому рабочему и крестьянину ложь и противоречие его интересам всякой религии». При этом «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего к закреплению религиозного фанатизма. Нарочито грубые меры, часто практикующиеся в центре и на местах, ... затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»⁶⁰.

С этого момента разворачивается широкая антирелигиозная пропаганда против религии и церкви. Местные власти совместно с агитотделами партийных комитетов инициативно взялись за это дело. Так, агитотдел Вольского уездного комитета РКП (б) широко развил антирелигиозную пропаганду среди рабочих масс города и деревни и самое интересное – среди учащейся молодежи. Устраивавшиеся диспуты имели успех, появился

запрос на антирелигиозную литературу⁶¹. Отделы национальных меньшинств также начинают широкое освещение антирелигиозных вопросов, отмечая, что для каждой национальности требуется особый подход и знакомство с бытом данной национальности. В отчетах сообщалось, что за июль месяц 1923 г. произведена большая антирелигиозная кампания среди татар Саратовской губернии, для чего был разослан циркуляр с тезисами и указанием подхода к работе. В городе Саратове данная кампания прошла удачно и привлекла до 650 человек татарского населения. В Петровском уезде кампания прошла также удовлетворительно⁶². По отношению к евреям была разработана своя программа, в которой, «учитывая отсталость еврейских рабочих в отношении вопроса о религии», в клубах предлагалось организовывать антирелигиозные кружки на еврейском языке⁶³.

Огромное распространение начинают получать антирелигиозные кампании, так называемые «комсомольские» Пасха, Рождество, комсомольский Курбан-байрам, еврейские комсомольские Пасхи, которые противопоставлялись традиционным религиозным праздникам. В 1923 г. на заседании ответственных работников отдела национальных меньшинств Саратовского Губкома при обсуждении проведения комсомольского байрама в Хвалынском уезде предложили осветить это в газетах нацменьшинств и учесть неудачи кампании для будущего опыта⁶⁴.

Местные газеты, которые были призваны помочь ликвидировать неграмотность крестьянских масс деревни, с этого момента начинают активную публикацию разоблачающих статей к различным церковным праздникам: к празднику Троицы, Рождества, Пасхи, ко дню Илии Пророка, к Богородичным праздникам, Курбан-байраму и другим⁶⁵. Большое распространение получили статьи, дискредитирующие священников, пасторов и мулл, статьи, критикующие суеверные предрассудки народных масс на пути к хозяйственному благополучию, и все это осуществлялось под лозунгом за «новый быт»⁶⁶.

В жизнь, в том числе и в деревне, начинают вводиться новые праздники, такие как праздник урожая⁶⁷. Частым явлением становятся антипасхальные кампании, устраиваются суды над Пасхой, другие инсценировки. Особое место в обрядовой культуре стали занимать красные или коммунистические крестины и октябрины⁶⁸. В отличие от прочих форм революционной обрядовости они олицетворяли собой вхождение человека в новый мир, свободный от пережитков прошлого.

Особая роль отводилась школьному просвещению трудящихся масс города и деревни⁶⁹. Власть делала ставку на воспитание нового, целиком атеистического поколения строителей коммунизма и творцов нового мира. Различные молодежные организации были призваны помочь в этом деле. Огромная роль отводилась комсомолу, который стал в то время наиболее активным участ-

ником борьбы с религией и церковью. В 1925 г. был создан Союз безбожников – новая антирелигиозная организация. В связи с ее образованием произошло изменение степени и характера участия комсомола в антирелигиозной деятельности государства. Он потерял инициативу, перестал быть ударной силой в насаждении «безбожия»⁷⁰. Пионерское движение, пионеры и октябрята также были призваны оказать помощь взрослым в антирелигиозной борьбе⁷¹. Особый упор делался на привлечение девушек и женщин как в комсомол, так и различные другие общественные организации⁷². Власть понимала, какую роль женщина играла в обществе и семье, и учитывала ее особую религиозность. Различными способами делались попытки вытеснить религиозное мировоззрение из семьи – начальной ячейки общества.

В Саратове в 1924 г. было организовано общество «воинствующих материалистов», которое разместилось в здании Саратовского областного коммунистического университета и было призвано активно пропагандировать идеи диалектического материализма⁷³.

Таким образом, антирелигиозная пропаганда должна была если не вытеснить окончательно религию из сознания народных масс, то хотя бы заменить и противопоставить ей собственную коммунистическую идеологию.

Проведенное исследование позволяет заключить, что политика Советского государства в середине 1920-х гг. была направлена на дальнейшее и последовательное искоренение религии и церкви. Реализация такой политики проводилась как на основе принятия и практического осуществления соответствующей нормативно правовой базы, так и с помощью антирелигиозной пропаганды. При этом власть старалась избегать открытых репрессий против верующих и священнослужителей. В сравнении с наступлением на церковь во времена революции и Гражданской войны это был небольшой своеобразный период затишья перед новым наступлением на религию, начавшимся с конца 1920-х гг.

Примечания

¹ Поляков В. А. Голод в Поволжье : 1919–1925 гг. : происхождение, особенности, последствия. Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2007 ; Герман А. А., Помогалова О. И. Как нам помогали выжить : Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья 1921–1923. М. : Кучково поле, 2015. Пик голода и массовой смертности от него пришлось на вторую половину 1921 – первую половину 1922 г. Однако и в 1923 г. голод имел широкое распространение. Так, по информационным сводкам уездных исполкомов Саратовской губернии, в 1923 г. голодало население Новоузенского, Дергачевского, Аркадакского и Саратовского уездов. См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 46. Л. 1,7 ; Д. 42. Л. 5,8 ; Д. 39. Л. 1,6 ; Д. 48. Л. 11,15.

² О крестьянских выступлениях в Саратовском Поволжье подробнее см.: Кузнецов М. В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны (1917–1922) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

³ Подробнее об этом см.: Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М. : Кучково поле, 2011. С. 203, 226. ; Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. С. 264–275 ; Неживых Н. А. Взаимоотношения партийных и советских органов с православной церковью в 1920–1929 гг. (на материалах западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 16. ; Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история : власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград : Перемена, 1997. С. 60 и др.

⁴ Известия ВЦИК. 1923. 27 апреля ; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об.

⁵ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об. Об этом пишет и А. Г. Далгатов : губотделы наркомата юстиции и существовавшие при них подотделы по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства прекратили свое существование еще в 1923 г., а их обязанности взяли на себя региональные и местные структуры НКВД. См.: Далгатов А. Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям : Октябрь 1917-го – конец 1930-х годов : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 293.

⁶ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 30. Л. 191–191 об.

⁷ Там же.

⁸ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 7.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 3–4.

¹² Там же. Л. 5–7.

¹³ ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1103. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 42.

¹⁵ Там же. Л. 162.

¹⁶ Там же. Л. 162, 172 об. Еще в 1923 г. в связи с ликвидацией уездных отделов управления (УОУ) делами по отделению церкви от государства стала ведавать милиция (уездная или волостная). Согласно приказу губернского отдела управления (ГОУ), все религиозные общества и группы обязаны были предоставлять сведения о движении денежных средств, а также протоколы собраний общеприходских и церковных советов в отделения милиции. См.: ГАСО. Ф. Р-517. Оп. 3. Д. 30. Л. 213.

¹⁷ Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 17–17 об.

¹⁸ В качестве примера можно привести обследование Соборной церкви города Петровска в 1925 г., когда по заключению техника специалиста храм был признан аварийным и во избежание ненужных жертв договор с коллективом верующих был расторгнут, а храм закрыт. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 30.

¹⁹ Там же. Ф. Р-517. Оп. 3. Д. 30. Л. 193.

²⁰ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1108. Л. 79.

²¹ Там же. Д. 1069. Л. 17 об.

²² ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 296 об. Справедливости

- ради, необходимо отметить, что некоторые уступки старообрядцам все же делались. Так, в 1928 г. заседание комиссии разрешило старообрядцам (беглопоповцам) съезд в июне месяце в Саратове, ввиду того что старообрядцы во времена царизма были гонимы и что съезд носит исключительно обрядово-религиозный характер. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 10–11.
- 23 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 8.
- 24 *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов : Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 253.
- 25 ГАСО. Ф. Р-540. Оп. 2. Д. 194. Л. 145–150.
- 26 Там же. Л. 148–149.
- 27 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 17–18.
- 28 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 122.
- 29 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 24–25.
- 30 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 47. Л. 3.
- 31 Там же. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 31. Л. 92–92 об. ; Беднота. 1923. 25 нояб.
- 32 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 26 ; На заседании комиссии при ЦК РКП (б) 20 ноября 1923 г. Было принято постановление : «Принцип обязательности страхования церквей, костелов, мечетей и др. Зданий, служащих религиозным целям, – сохранить в силе». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 43.
- 33 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 186. Л. 147.
- 34 Такое положение складывалось повсеместно в губернии, но можно обозначить некоторые яркие примеры, происходившие в селе Русская Норка Петровского уезда, селе Новые Выселки Баландинской волости Аткарского уезда (Там же. Л. 18, 30, 31, 39, 58, 61, 65, 67–67 об., 68, 71, 88, 94, 122–122 об.).
- 35 Там же. Л. 316, 317–317 об.
- 36 *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 203, 204. Необходимо отметить, что обновленческий раскол, затеянный в Саратовской губернии, дал некоторые результаты. Несмотря на то что обновленцев было меньшинство, они вносили смуту и беспокойство и в без того неспокойное религиозное сообщество. Группы староцерковников (или тихоновцев, как их стали называть) и обновленцев враждовали за храмы, и такое положение вещей сохранялось в 1920-е гг. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1074. Л. 135 ; Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 63 ; Д. 188. Л. 95, 142, 149.
- 37 Подробнее см.: *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 204 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 359–360 ; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 157–158.
- 38 ГАСО. Ф. Р-1727. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- 39 Там же. Ф. Р-1351. Оп. 2. Д. 8. Л. 23, 24, 26, 27.
- 40 Танцбрудеры, нем. танцующие братья.
- 41 Цит. по: *Герман А. А.* Указ. соч. С. 232.
- 42 Там же. С. 232.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 13.
- 44 См., напр.: *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 403–404.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 565-а. Л. 14–15.
- 46 Там же. Оп. 113. Д. 353. Л. 12–14.
- 47 Подробнее об этом см.: *Ахмадуллин В. А.* Политика советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 57–59 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 318–320.
- 48 *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Garmisch-Partenkirchen : Prometheus-Verlag, 1988. С. 172–173.
- 49 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443-а. Л. 38–39.
- 50 Там же. Д. 565-а. Л. 30.
- 51 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 1–1 об., 2.
- 52 Так, один из пунктов инструкции гласил, что вероучение может преподаваться лишь в том случае, если здание мечети вполне удовлетворяет санитарным требованиям. Для чего таковое должно быть обследовано специальной комиссией из представителя местного исполкома, здравотдела и отдела народного образования. А такое обследование могло тянуться по несколько месяцев, как было с коллективами верующих мечетей 1-го и 2-го приходов в Саратове. См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 128. Л. 1–1 об., 8, 10, 11, 12, 13–13 об.
- 53 Основной ареал расселения евреев приходился на западные области, Украину и Белоруссию. Там наблюдалось массовое закрытие синагог и притеснение раввинов. См.: Коммунистическая власть против религии Моисея : Документы 1920–1937 и 1945–1953 гг. / сост. В. Ю. Васильев и др. Винница : Глобус-пресс, 2005 ; *Смиловицкий Л.* Евреи в Турове : История местечка Мозырского Полесья. Иерусалим : Printed in Tsur-Ort Press, 2008 ; *Далгатов А. Г.* Указ. соч. С. 346–356 ; Это бедная белая Русь // Лехаим. 2006. № 11, ноябрь. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/VZR/m01.htm> (дата обращения: 17.04.2017).
- 54 ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1873. Л. 2 об.
- 55 Там же. Оп. 2. Д. 75. Л. 89 об.
- 56 Там же. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 74. Л. 35 об.
- 57 См.: ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос : в 2 кн. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 389.
- 58 Подробнее об этом см.: *Петрова Е. А.* Антицерковная политика большевиков в Саратовской губернии в годы Гражданской войны // Одиннадцатые Межрегиональные Пименовские чтения. Преподобный Сергей. Русь : наследие, современность, будущее : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Сарат. Митрополии, 2014. С. 224–232.
- 59 *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 212, 213.
- 60 Двенадцатый съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М., 1968. С. 716–717.
- 61 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 554. Л. 45.
- 62 Там же. Д. 1034. Л. 93.
- 63 Там же. Л. 153.
- 64 Там же. Л. 91–91 об.
- 65 См., например: Колесница Пророка Ильи // Большевицкий молодняк. 1927. 30 июля. № 42. С. 7 ; О проведении «Курбан-байрам» // Большевицкий молодняк. 1926. 20 июня. № 37. С. 7 ; Праздник Троица // Большевицкий молодняк. 1925. 6 июня. № 36. С. 3 ; Об Иване Купале // Большевицкий молодняк. 1925. 17 июня. № 39. С. 3 ; Отпраздновали Рождество по-своему // Большевицкий молодняк. 1927. 22 янв. № 5. С. 10 ; Комсомольская Пасха // Известия Аткарского уездного исполнительного комитета. 1923. 28 марта. № 25. С. 2 ; Как мы провели комсомольскую

- Пасху // Известия Аткарского уездного исполнительного комитета. 1923. 12 апр. № 28. С. 2 и др.
- ⁶⁶ Новый быт в деревне // Борьба. 1926. 18 марта. № 32. С. 3.
- ⁶⁷ Праздник урожая // Большевистский молодняк. 1926. 24 авг. № 45. С. 8.
- ⁶⁸ За новый быт // Большевистский молодняк. 1925. 12 февр. № 8. С. 5.
- ⁶⁹ Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года : Стенографический отчет. М., 1968. С. 716–717.
- ⁷⁰ Подробнее об этом см.: *Баланцев А. В.* Антирелигиозная деятельность комсомола (1918–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008 ; *Слезин А. А., Баланцев А. В.* Особенности противодействия комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств» в середине 1920-х годов // *Политика и общество*. 2013. № 3. С. 294–304 ; *Баланцев А. В.* Комсомол и Русская православная церковь : начало противостояния // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов : Грамота, 2012. № 7 (62). С. 10–12 и др.
- ⁷¹ *Курляндский И. А.* Указ. соч. С. 234 ; Пионеры в школе // Большевистский молодняк. 1925. 8 окт. № 69–70. С. 6 ; Как работать с октябрятами // Большевистский молодняк. 1926. 7 янв. № 2. С. 4 ; Жить по старому нельзя // Большевистский молодняк. 1927. 31 июля. № 30. С. 1 и др.
- ⁷² Завоевали девушек. Девушку в активную работу // Большевистский молодняк. 1925. 7 марта. № 12. С. 3.
- ⁷³ ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 46. Л. 2, 3, 22, 26.

Образец для цитирования:

Петрова Е. А. Государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в середине 1920-х годов // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 535–542. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542.

Cite this article as:

Petrova E. A. The State-church Relations in Saratov Volga Region in the Mid 1920s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 535–542 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-4-535-542.
